

Серия
«Памятники литературы»

А. Н. Вульф

**ДНЕВНИКИ.
ЛЮБОВНЫЙ БЫТ
ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ**

Под редакцией **П. Е. Щёголева**

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
В88

Автор:

Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — литератор, мемуарист, близкий друг А. С. Пушкина.

Ответственный редактор:

Щёголев Павел Елисеевич (1877—1931) — историк литературы, пушкинист.

Вульф, А. Н.

В88 Дневники. Любовный быт Пушкинской эпохи / А. Н. Вульф ; под редакцией П. Е. Щёголева. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 263 с. — (Памятники литературы). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-09960-7

В данном издании представлен дневник Алексея Николаевича Вульфа, снабженный вступительной статьей Павла Елисеевича Щёголева «Любовный быт Пушкинской эпохи», а также статьей Семевского Михаила Ивановича «Прогулка в Тригорское». Настоящая книга содержит в себе полную сводку всех частей дневника; значительно сокращен военный раздел воспоминаний Вульфа. Автор дает важнейшие характеристики литературной деятельности Пушкина, Дельвига, Языкова и других их современников. В дневнике грамотно описаны любовные переживания среднего дворянства 20—30-х годов XIX века, патриархальный быт русского душевладельца и земельного собственника.

Печатается по изданию 1929 года.

Для широкого круга читателей.

12+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Содержание

От редактора.....	7
П. Е. Щеголев. Любовный быт Пушкинской эпохи.....	9
М. И. Семевский. Прогулка в Тригорское	25
А. Н. Вульф. Дневники 1827—1842.....	101
1827	103
1828	110
1829	135
1830	137
1831	207
1832	230
1833	236
1834	251
1836	254
1842	258
Новые издания по дисциплине «История и культура России» и смежным дисциплинам	261

От редактора

Первое знакомство русских исследователей с любопытнейшим мемуарным памятником, издаваемым нами, состоялось в 1899 году, когда академик Л. Н. Майков огласил «выдержки» из дневника А. Н. Вульфа за 1827—1842 гг. и дал характеристику самого Вульфа (Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб. Изд. Л. Ф. Пантелеева 1899-А. Н. Вульф и его дневник, стр. 163—222; до выхода книги в «Русской Старине» в 1899 году). По совести сказать, работы Л. Н. Майкова о Вульфе должны быть отнесены к слабейшим и поверхностнейшим работам этого академика он просто недомыслил, проглядел колоритную фигуру дерптского студента и русского дворянина А. Н. Вульфа. Самые «выдержки» из дневника, представленные академиком, были отобраны рукой, чересчур скромной и целомудренной, уничтожившей весь вульфовский букет и сумевшей из этого букета сохранить лишь опресненные запахи. Но и после этой немудрой кастрации дневник Вульфа был высоко оценен в среде специалистов, преимущественно, как источник для биографии Пушкина.

В 1915 году на страницах органа Пушкинской комиссии Академии Наук «Пушкин и его современники» (вып. XXI—XXII) М. Л. Гофман опубликовал почти полностью найденные им в семейном архиве баронов Вревских тетради дневника за 1828—1832 гг. Знакомство с полным, подлинным текстом дневника дало нам право на резкую оценку работы Л. Н. Майкова. Впечатление от знакомства с неурезанным текстом было ошеломляющим. Именно так охарактеризовал его один из пушкинистов, М. А. Цявловский («Голос Минувшего» 1916, № 2). Пришлось переоценить и историческое значение дневника Вульфа. М. Л. Гофман подчеркнул историко-литературное значение записей Вульфа: действительно, Вульф дает авторитетнейшие, ценнейшие сообщения к характеристике литературной деятельности и Пушкина, и Дельвига, и Языкова и других их современников. Но историко-литературная ценность дневника не покрывает еще всего его исторического значений. «Вопреки мнению М. Л. Гофмана, — говорит М. А. Цявловский, — мы считаем дневник прежде всего ценнейшим материалом для характеристики любовных нравов среднего дворянства 20-х и 30-х годов прошлого столетия. Наши представления об этом «добром, старом времени», о патриархальном быте обитателей дворянских гнезд, в частности, «об уездных барышнях с печальной думою в очах, с французской книжкой в руках», требуют весьма существенных поправок. Как красноречиво

свидетельствует дневник Вульфа сентиментально-наивная чувствительность соединялась у них с чувственностью и «платоническая» любовь носила весьма своеобразный характер». Мне кажется, что и М. А. Цявловский суживает значение дневника, фиксируя его на характеристике любовного быта. Дневник является простодушным и неприкрашенным памятником быта среднего русского дворянина, либерала и владельца крепостных душ 20—30-х годов прошлого столетия. Если любовные нравы и выпирали вперед, то таков был этот быт, из всех сторон жизни земельного собственника и душевладельца облюбовавший и изощривший любовные переживания. С каким засосом смаковались сердечные и романические истории в нашей дворянской литературе немного позже! Дневник Вульфа дает изображение дворянского героя (самого автора) во всю ширь, во всех проявлениях его помещичье-крепостной жизни, и с этой точки зрения за ним следует признать значение первостепенного исторического источника.

В настоящем издании мы даем полную сводку всех частей дневника, изданных как Л. Н. Майковым так и М. Л. Гофманом. К сожалению, подлинные тетради, которыми пользовался Л. Н. Майков» до нас не сохранились или, по крайней мере, пока не обнаружены нами, несмотря на тщательные поиски; таким образом, мы лишены возможности восстановить пропущенные им места. Подлинный текст, по которому печатал дневник М. Л. Гофман, хранится в настоящее время в Пушкинском Доме; кое-какие пропуски мы могли восстановить по подлиннику. Надо сказать, что и М. Л. Гофман в своем издании должен был пожертвовать некоторым количеством страниц дневника, содержавших изложение военных действий и событий. Эти страницы не характерны для Вульфа и, кроме того, не содержат ничего исторически ценного. Мы пошли дальше Гофмана и значительно сократили военный отдел воспоминаний Вульфа.

Изданию дневника Вульфа мы сочли полезным предпослать воспроизведение статьи, являющейся прекрасным введением в чтение дневника, статьи, затерянной среди газетных фельетонов «С.-Петербургских Ведомостей» и известной лишь записным специалистам — «Прогулка в Тригорское». Автор «Прогулки» — М. И. Семевский воспользовался рассказами современников Пушкина, и в том числе и самого А. Н. Вульфа. Мы воспроизводим текст «Прогулки» по тому самому экземпляру собрания вырезанных из газет фельетонов, который был поднесен автором А. Н. Вульфю (этот экземпляр принадлежал Б. Л. Модзалевскому).

Своеобразие в любовном быту Пушкина освещено в нашей вступительной статье.

Комментарии к «Прогулке в Тригорское» и к дневникам выполнены И. С. Зильберштейном.

П. Щеголев

1 июля 1928

П. Е. Щеголев
ЛЮБОВНЫЙ БЫТ
ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

А. С. Пушкин в 1820-х годах

С карандашного рисунка работы L. Vivien
(Подлинник в Пушкинском доме Академии Наук СССР)

Пушкин сблизился с Вульфом в 1824 году. Летом этого года поэт прибыл на подневольное житье в Михайловское, а Вульф проводил летние каникулы в расположенном по соседству имении своей матери Тригорском.

Тригорское жило в годы михайловской ссылки поэта шумной и веселой жизнью, в которой Пушкин принял самое живое участие. Дом Прасковьи Александровны Осиповой, в это время 43-летней вдовы, был полон женской молодежи. Все молоденькие барышни различных возрастов: дочери Осиповой от первого ее брака с Н. И. Вульф — старшая Анна, ровесница Пушкина, и младшая Зина (Евпраксия), 15-летний подросток; дочери ее от брака с И. С. Осиповым — совсем юные Екатерина и Мария; ее падчерица, дочь второго мужа — Сашенька — Александра Ивановна Осипова. В 1825 году наезжала сюда и ее сводная племянница (дочь П. М. Полторацкого и Е. И. Вульф) Анна Петровна Керн, двадцатипятилетняя женщина, состоявшая в несчастном замужестве за шестидесятилетним генералом. Керн производила на всех встречавших ее неотразимое впечатление. Даже сухой педант Никитенко, увидев ее в первый раз, растрогался. «Ее лицо, — пишет он, — мгновенно приковало к себе мое внимание. То было лицо молодой женщины поразительной красоты. Но меня больше всего привлекала в ней трогательная томность в выражении глаз, улыбки, в звуках голоса».

Мужской элемент в Тригорском был представлен Пушкиным и Вульфом. Одно лето гостил здесь университетский товарищ последнего, поэт Н. М. Языков. В доме царила атмосфера влюбленности; романы разыгрывались во всех уголках. Пушкин был предметом преданной любви Анны Николаевны, и у молоденькой Зины тоже кружилась голова. Строгой матери, П. А. Осиповой, пришлось даже увозить с глаз Пушкина свою старшую дочь, а потом и племянницу Керн в избежание катастрофических последствий.

Вульф, 19-летний студент, только что вступающий в жизнь, не мог не покориться обаянию личности Пушкина. Поэт для студента стал образцом во многих отношениях и прежде всего оказался его учителем и наставником в науке страсти нежной, в привычках и нравах любовного обхождения. Изучение любовной науки не было только теоретическим, тут же происходили и практические упражнения при участии всей женской молодежи Тригорского. Ученик не отставал

от учителя и даже выступал с решительным успехом в роли конкурента поэта.

Когда, по окончании университетского курса, Вульф начинал самостоятельную жизнь, вступив на службу в Петербурге, он мог сказать о себе, что он «напитан мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами». В наступательном и оборонительном союзе против красавиц, Пушкин был Мефистофелем, а Вульф Фаустом. Так называли их молоденькие барышни, за которыми они ухаживали.

Вульф всю свою жизнь стремился поступать по «науке», а наука, между прочим, исключала живую страсть. «Мне было бы приятно ей понравиться, — записывал в дневнике Вульф, — но никак бы не желал в ней родить страсть: это скучно. Я желаю только нравиться, занимать женщин, а не более: страсти отнимают только время; хорошо, ежели не имеют дурных последствий». О сущности любовной практики Вульф делает следующее признание. Будучи уже в военной службе, Вульф приволокнута за хозяйкой трактира. «Молодую красавицу трактира, — записывает он, — вчера начал я знакомить с техническими терминами любви; потом, по методу Мефистофеля, надо ее воображение занять сладострастными картинками; женщины, вкусив однажды этого соблазнительного плода, впадают во власть того, который им питать может их, и теряют ко всему другому вкус; им кажется все пошлым и вялым после языка чувственности. Для опыта я хочу посмотреть, успею ли я просветить ее, способен ли я к этому. Надо начать с рассказа ей любовных моих похождений».

Вульф говорит, что Пушкин знал женщин, как никто, и женщина не могла отказать ему в своих ласках. Но, характеризуя Пушкина в его отношениях к женщинам, Вульф не находит более подходящего определения: Пушкин — весьма цинический волокита. А когда Вульф получил известие о женитьбе Пушкина на Н. Н. Гончаровой, он записал в дневнике: «желаю ему быть счастливу, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему, бедному, носить рогов, — это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену». Односторонность этих заявлений Вульфа надо подчеркнуть. Вульфу была открыта лишь одна сторона жизни чувства в Пушкине — феноменальная, а ноуменальная была скрыта от его взоров, она была недоступна самой духовной природе Вульфа. Но с феноменальной стороны чувство любви было изучено Вульфом в теории и практике весьма разносторонне. Все виды любви были ему ведомы — от чисто физической до платонической. Последний термин, впрочем, надо понимать совершенно особенно. Платонизм Вульфа был весьма своеобразным и характеризовался таким положением, при котором «он» считал себя непереступившим последней черты, а «она» считала себя совершенно отдавшейся.

В своем дневнике Вульф рассказывает с нескромными подробностями свои романы. С этой стороны дневник Вульфа — произведение

совершенно исключительное в русской литературе, и значение его для истории нравов, для истории любовного быта 20-х годов не подлежит сомнению. Любовные переживания Вульфа не были патологическими; они носят на себе печать эпохи и общественного круга, к которому он принадлежал. Если бы Вульф был исключением, то его дневник не представлял бы общего интереса. Но дело в том, что рядом с Вульфом и за ним стояли ему подобные, что в круг его переживаний втягивались девушки и женщины его общественной среды, что в этом общественном круге его любовные переживания не казались выходящими из порядка вещей. С этой точки зрения дневник Вульфа — целое откровение для истории чувства и чувственности среднего русского дворянства 1820—30-х годов. Самое обращение с женщинами и девушками такое, какое нам трудно было бы представить без дневника Вульфа. Правда, в письмах самого Пушкина хотя бы к жене, в его произведениях кое-где, в письмах князя Вяземского к жене, уже встречались нам намеки на иной, не похожий на наш, любовный быт, но это были намеки, рассеянные подробности картины, которую можно нарисовать только теперь при помощи дневника Вульфа.

Но все эти похотливые извилины чувственности, эти формы чисто чувственной любви, характерны ли для Пушкина? Не слишком ли смело отождествить методу Мефистофеля, как ее рисует Вульф, и образ обращения с женщинами, которого придерживался Вульф, с методой и образом обращения самого Пушкина? У Вульфа есть прямые свидетельства, которые дают нам в известной, мере право на такое отождествление. Из песни слова не выкинешь, и мы не должны скрывать от себя и закрывать глаза на проявления пушкинской чувственности. В исторической обстановке, которую мы можем восстановить по дневнику, эти проявления теряют свою экзотическую исключительность. Пора уж отказаться от прюдничества в рассуждениях о Пушкине. Вскрытие чувственной стороны жизни поэта имеет и особый интерес для изучения Пушкина. Очень хорошо вскрыто значение чувственного элемента Владимиром Соловьевым. Сильная чувственность есть материал гения. Как механическое движение переходит в теплоту, а теплота — в свет, так духовная энергия творчества в своем действительном явлении (в порядке времени или процесса), есть превращение низших энергий чувственной души. И как для произведения сильного света необходимо сильное развитие теплоты, так и высокая степень духовного творчества (по закону здешней, земной жизни) предполагает сильное развитие чувственных страстей. Высшее проявление гения требует не всегдашнего бесстрастия, а окончательного преодоления могучей страстности, торжества над нею в решительные моменты».

Помимо указанного специфического историко-бытового значения, романы, записанные в дневнике Вульфа, любопытны еще и тем, что героинями их были, по большей части, пушкинские женщины, имена которых хорошо известны не только специалистам-исследователям,

но и всем любителям пушкинского творчества; эти женщины счастливы тем, что поэзия Пушкина сохранила их от забвения. Сообщения Вульфа добавляют много новых и ценных штрихов к характеристике воспетых Пушкиным.

II

Кто не помнит имени Анны Петровны Керн? Это имя благословенно в поэзии Пушкина. Если бы А. П. Керн не пересекла жизненного пути Пушкина, не был бы создан дивный гимн любви, обессмертивший эту женщину: — «Я помню чудное мгновенье»...

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье,
И вот — опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Сохранились свидетельства необычайного возбуждения всего организма, которое пережил поэт во время этой встречи с Керн в Тригорском. По словам биографа Керн Б. Л. Модзалевского, «мгновенный порыв страсти был чрезвычайно силен, ярок, и доходил до экстаза, до бешенства, переливаясь всеми оттенками чувства — от нежной сентиментальности до кипучей страсти». Стихотворение написано в зените чувства: любовь к Керн и самый ее образ вознесены до высот недостижимых. Но чувство не могло удержаться на этих высотах, и обыденная жизнь вступила в свои права, когда началась борьба за обладание. Неоцененные еще, как должно, письма Пушкина к А. П. Керн 1825 г. — памятник: этой борьбы. Небесный образ Керн теряет свою прозрачность, и проступает образ земной, по земному очаровательный и притягательный. Уже в 1826 г. из-под пера Пушкина срывается в письме к Вульффу эпитет: «наша вавилонская блудница Анна Петровна». Эпитет брошен в шутку, ибо Пушкин относился всегда с большой любовью к А. П. Керн и ее разностороннюю сердечную отзывчивость не ставил ей в вину. «Хотите ли знать, что такое г-жа Керн? — писал Пушкин. — У нее гибкий ум; она понимает все; она легко огорчается и утешается

точно так же; она застенчива в приемах, смела в поступках, но чрезвычайно как привлекательна»¹.

В дошедшем до нас дневнике А. П. Керн записала фразу, где-то ею вычитанную: «Течение жизни нашей есть только скучный и унылый переход, если не дышишь в нем сладким воздухом любви». Жизнь А. П. Керн не была скучным и унылым переходом; до преклонных лет она сохранила жар своего сердца и бестрепетно с упоением молодой страсти шла на встречу новым и новым обольщениям. В 1830 году она сообщила А. Н. Вульфу о своем новом увлечении. Это сообщение дало повод Вульфу занести в свой дневник следующую характеристику А. П. Керн: «Ее страсть чрезвычайно замечательна не столько потому, что она уже не в летах пламенных восторгов (Анне Петровне, впрочем, было всего 30 лет!) сколько по многолетней ее опытности и числу предметов ее любви. Про сердце женщин после этого можно сказать, что оно свойства непромокаемого — опытность скользит по ним. Пятнадцать лет почти непрерывных несчастий, унижения, потеря всего, чем в обществе ценят женщины, не, могли разочаровать это сердце или воображение, — по сию пору оно как бы в первый раз вспыхнуло!»

Отметим еще одно любопытное признание А. П. Керн, бросающее своеобразный свет на ее психологию: «Я не могу оставаться в неопределенных отношениях с людьми, с которыми меня сталкивает судьба. Я или совершенно холодна к ним, или привязываюсь к ним всеми силами и на всю жизнь».

История отношений самого Вульфа к Анне Петровне весьма поучительна с точки зрения истории нравов. В письмах Пушкина к Керн 1825 года высказываются в шутливой форме ревнивые подозрения по адресу Вульфа. Действительно, двадцатилетний студент был по уши влюблен в свою кузину, и кузина ответила ему полной взаимностью, подарила ему свою любовь. Осенью 1828 года, когда Вульф жил в Петербурге, отношения его к Керн уже носили совершенно определенный характер. «Анна Петровна, — записывает Вульф 20 октября 1828 г., — сказала мне, что вчера поутру у ней было сильное беспокойство: ей казалось чувствовать последствия нашей дружбы. Мне это было неприятно и вместе радостно: неприятно ради ее, потому что тем бы она опять приведена была в затруднительное положение, а мне радостно, как удостоверение в моих способностях физических».

Вот еще запись от 28 ноября: «Петр М. (отец Керн) у меня остановился; к нему сегодня приходила Анна Петровна, но, не застав его дома, мы были одни. Это дало мне случай ее жестоко обмануть; мне самому досаднее было, чем ей, потому что я уверил ее, что я ранее... а в самом деле не то было, я увидел себя... это досадно и моему самолюбию убий-

¹ Единственный резкий отзыв Пушкина о Керн находится в позднем письме к жене, но он вызван, по-видимому, специальными соображениями и рассчитан на адресатку.

ственно. Но за то вечером мне удалось так, как еще никогда не удавалось».

Вульф не изменял своей любви к Анне Петровне и был уверен в постоянстве нежной ее любви к нему. Но и его верность и ее постоянство носят печать необычайного своеобразия. Он был влюблен в Анну Петровну: «прощальным, сладострастным ее поцелуям удавалось иногда возбуждать его холодную и вялую чувственность». Но связь с Анной Петровной не мешала ему одновременно вести ряд романов, «платонических» и физических, на глазах Анны Петровны, с ее знакомыми, подругами и даже с ее родной сестрой. Романы имели свое, различное течение, но верный приют любовное чувство Вульфа находило всегда у Анны Петровны. Анна Петровна знала, конечно, о любовных историях Вульфа, и это знание не мешало их взаимным наслаждениям; в свою очередь, близкие отношения к Вульфу нисколько не мешали и Анне Петровне в ее увлечениях, которых она не скрывала от него. Они не были в претензии друг на друга. В их отношениях поистине царила какая-то домашность, родственность.

Вульф навсегда остался благодарен Анне Петровне за ее любовь. «Никого я не любил и, вероятно, так не буду любить, как ее», — писал он в дневнике 1832 года. Но, зная Вульфа, мы можем сказать, что в его чувстве не было ни восторга, ни упоения, ни вдохновения, без которых Анне Петровне жизнь не в жизнь была и любовь не в любовь! Какой сухостью и сердечной скудостью веет от записи Вульфа: «Анна Петровна сообщает мне (в письме) приезд отца ее и, вдохновенная своей страстью (это было новое увлечение А. П!), — велит мне благоговеть перед святынею любви! Сердце человеческое не стареется, оно всегда готово обманываться. Я не стану разуберять ее, ибо слишком легко тут сделаться пророком»...

Нет сомнения, что и Пушкин был осведомлен о любовных успехах Вульфа, но это не внесло холодности в их отношения. «Все было в порядке вещей», и сам Пушкин в одно время с Вульфом был в самых близких отношениях с А. П. Керн, столь же близких, как и Вульф (об этом свидетельствует нескромная фраза в письме Пушкина к Соболевскому). И Пушкин продолжал относиться к А. П. Керн с великим уважением и любовью. Свидетельство уважения и любви — в замечательном стихотворении Пушкина:

«Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права,
Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю...
<...>
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг.

Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг».

Своеобразное в отношениях к А. П. Керн и Пушкина, и Вульфа, несомненно, отголосок эпохи, вернее, жизни определенного общественного круга, к которому принадлежали и Вульф, и Пушкин.

Не одна Анна Петровна Керн была для Пушкина и Вульфа общим предметом любви, вожделения и обладания.

В доме П. А. Осиповой вместе с ее детьми жила и росла ее падчерица, дочь ее второго мужа И. С. Осипова, Александра Ивановна. В семье звали ее и Алиной и Сашенькой. По годам она была, по всей вероятности, ровесница А. Н. Вульфа, и в годы появления Пушкина в Михайловском ей было лет под двадцать. Она произвела довольно сильное впечатление на Пушкина, и в михайловской жизни поэта был период влюбленного ухаживания за Алиной. Память об этой привязанности Пушкина сохранилась в его поэзии. Александре Ивановне Осиповой посвящено прекрасное стихотворение: «Признание».

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный, —
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь.

Поэт шуточно сознается, что любовь ему не к лицу, не по летам, что ему надо быть умней, но по всем приметам он узнает болезнь любви.

Без вас мне скучно, я зеваю;
При вас мне грустно, я терплю;
И мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный, —
Явдрус теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, — мне отрада;
Вы отвернетесь, — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустья,
Я в умиленья, молча, нежно,
Любуюсь вами, как дитя!...

Тайного, интимного значения исполнены стихи, в которых поэт вспоминает и ее «слезы в одиночку, и речи в уголку вдвоем, и путешествие в Опочку, и фортепьяно вечером». Поэт не смеет требовать любви, он просит ее лишь притвориться: ее

ВЗГЛЯД

Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно:
Я сам обманываться рад!

Трудно по одному этому стихотворению составить сколько-нибудь отчетливое представление о самой Алине и о характере отношений ее к Пушкину. Но скудность данных не затруднила пушкинистов и не помешала им прокомментировать любовь поэта к А. И. Осиповой. «Шутливый тон послания — замечает глубокомысленно один из них — показывает, что тут не было и тени серьезного, хотя бы и недолгого увлечения; Александра Ивановна внушала поэту, восхищавшемуся ее первым девственным расцветом, нежную дружбу, которая, если и сопровождалась другим чувством, то самым слабым и мимолетным». Все эти рассуждения прежде всего безосновательны, а затем и неверны. Дневник Вульфа и опубликованные М. Л. Гофманом данные из Вревского архива бросают свет на самую личность Сашеньки Осиповой и позволяют сделать заключение о характере отношений Пушкина к ней.

Анне Николаевне Вульф пришлось как-то жаловаться на воспитательную систему своей матери. Речь шла (в письме к сестре Евпраксии) о воспитании младших сестер, совсем молоденьких. «Как ей (т. е. матери) не стыдно, и не совестно, право, их так воспитывать! Неужели ей мало, что наши все судьбы исковеркала. У нас, по крайней мере, был Пушкин, который был звездой добра и зла для Сашеньки». Эта не совсем ясная фраза говорит об огромном значении, которое имел Пушкин в жизни Сашеньки Осиповой: он был ее руководителем; путь, по которому он вел ее, был путем добра и зла. Но кто такая была эта ученица Пушкина, Сашенька Осипова? Ответ на этот вопрос можно найти в откровенных рассказах Вульфа об его отношениях к сводной сестре, об его романе с Сашенькой.

Роман Вульфа с Сашенькой завязался в конце 1826 года, значит, после отъезда Пушкина из Михайловского в Москву. Целый год прошел «в спокойных наслаждениях». В середине декабря 1827 года настал час разлуки: Вульф уезжал на службу в Петербург. Разлука со слезами, обмороками изрядно помучила Вульфа, но новые петербургские увлечения, о которых мы не будем говорить, и в особенности роман с сестрой А. П. Керн, заставили его забыть о Сашеньке. До Сашеньки, жившей в Малинниках, Тверской губ., доходили слухи о любовных похождениях Вульфа. В конце сентября в Старицу, по соседству с Малинниками, прибыла из Петербурга Лиза Керн, жертва еврей страсти к Вульфу, живое

свидетельство его успехов. Сашенька стала сейчас же поверенной Лизы Керн в ее сердечных делах или, как тогда говорили, ее наперсницей. Вульф записал в дневнике: «Лиза, зная, что я прежде волочился за Сашенькой, рассказала тотчас свою любовь ко мне и с такими подробностями, которые никто бы не должен был знать, кроме нас двоих. Я воображаю, каково Сашеньке было слушать повторение того же, что она со мною испытала. Она была так умна, что не отвечала подобною же откровенностью».

В декабре 1828 года Вульф вернулся в родные палестины, в Малинники. Здесь он должен был встретиться и с Лизой, и с Сашенькой. Сильно заботила его только встреча с Лизой, а о Сашеньке он не думал.

Действительно, первое свидание с Лизой в присутствии наперсницы вышло нервическим и не доставило удовольствия Вульфу; зато отношения к Сашеньке наладились без особых о том стараний и сами собой пошли по прежней колее. Уже через несколько дней после приезда, «возвращаясь с бала домой в одной кибитке», Сашенька и Вульф вспомнили старину, как многозначительно записывает в дневник Вульф. На святках 1828—1829 года все ухаживания Вульфа за красавицами были совершенно бесплодны, совершенно неудачны.

«Встречая таким образом на каждом шагу неудачи, я принужден был возвратиться к Саше, с которой мы начали опять по-старому жить, то есть до известной точки пользоваться везде и всяким образом наслаждениями вовсе не платоническими» — записывает Вульф. Эти неплатонические наслаждения имели место как раз во время кратковременного пребывания Пушкина в Тверской губ., в январе 1828 года.

Вместе с Пушкиным Вульф вернулся в Петербург 18 января, справил все свои дела и 7 февраля вновь выехал отсюда в Малинники. Матери и сестры в момент его приезда не было дома. «Я нашел Сашу одну, большую горлом — вспоминал позднее Вульф. — После взаимных упреков в холодности, в изменах мы помирились. Я предложил ей воспользоваться неожиданно благоприятным временем, которое в другой раз может не встретиться. В небольшом нашем домике мать с сестрами занимали только две комнаты; в них мы были теперь одни, следственно, ничто не мешало провести нам ночь вместе и насладиться ею вполне. Несмотря на то, все мои просьбы остались бесполезны, все красноречие мое не могло убедить ее в безопасности (с ее рассудком она не могла представить других причин), и бесценная ночь невозвратно пропала, — усталый от дороги, я спокойно проспал ее. Не знаю, как она? — но после часто раскаивался в своей нерешительности».

Вульф и Сашенька скоро наверстали пропущенное, ибо в этот второй приезд Вульфа (до 8 марта, когда Вульф уехал в полк, надолго распрощавшись с родными), Саша явилась единственным объектом любовных вожделений Вульфа. «В Малинниках — вспоминал он впо-

следствии — я посвящал время единственно шалостям с Сашей. С нею мы уже давно прожили время уверений в любви и прочего влюбленного бреда: зная друг друга, мы наслаждались, сколько силы, время и место позволяли».

Нельзя не отметить двух характерных для Сашеньки Осиповой особенностей, подчеркнутых Вульфом. Несколько раз, в отличие от других красавиц, он упоминает об «уме» или «рассудке» Саши. Саша — умная. Другая особенность — безудержность в увлечениях. Только один мотив мог бы остановить ее на пути к удовлетворению страсти — соображения о безопасности свидания — так по крайней мере думает Вульф. Жар ее чувств был хорошо известен в семье П. А. Осиповой. По свидетельству Евпраксии Николаевны Вульф, отличительные черты Сашеньки — «воображение и пылкость чувств».

1829—1833 годы Вульф провел на военной службе. С Сашей он переписывался: о ней извещали его сестры. Один раз писал о ней Пушкин. Возвращаясь с Кавказа в Петербург, он завернул в Старицкий уезд и из Малинников 16 октября 1829 года писал со слов Анны Вульф, что «Александра Ивановна заняла свое воображение отчасти талией и задней частью Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева».

Вульф был уверен, что Саша всегда будет любить его, но эта уверенность не мешала ему увлекаться другими, ни радоваться вестям о свадьбе Саши. Но годы шли, а Сашу не удавалось сбить с рук. «Письма Саши, — записал Вульф, — печальны и оттого очень нежны; она жалуется на судьбу, и точно жизнь ее нерадостна». В 1831 году мелькнули были брачные возможности для Сашеньки, но не осуществились. В 1832 году Вульф приехал в отпуск в Тригорское, нашел сводную сестру еще не замужем, и тут вновь у Вульфа разыгрались «сцены с Сашенькой вроде прежних».

В 1833 году Вульф получил, наконец, от сестры долгожданное известие о предстоящем и действительно осуществившемся замужестве Сашеньки, и записал в дневнике: «Дай бог ей скорее выйти, а ему, господину псковскому полицеймейстеру, Беклешову, дай в ней добрую жену. Она говорит, что ненавидит и ругает меня; но мне не мешает это ее любить и сделать все возможное, что будет зависеть от меня, к ее благополучию».

Брак Сашеньки не был счастливым. Подумать только! После «энтузиастов, которые блестят и увлекают» после Вульфа, Пушкина — господин псковский полицеймейстер! И к тому же вспомните ее «воображение и пылкость чувств». «Она пугает меня своим воображением и романтизмом: и то, и другое прекрасно для провождения времени, а не в супружестве», — писала Евпраксия Николаевна своему брату об Александре Ивановне. Нелады у Беклешовых начались вскоре после свадьбы. «Ежели Сашенька так ревнива, — писал в июне 1833 года А. Н. Вульф сестре Анне, — то должно ей еще благодарить провидение за такого мужа, как ее; и если она скоро не успокоится, то наверное

можно полагать, что скоро выгонит из дому мужа; за это можно поручиться». Выдержка из письма ее сестры М. И. Осиповой к Вульфу может дать представление о семейной жизни Беклешовой. «На-днях, то есть три дня тому назад, отправилась Сашенька с детьми и своим супругом в деревню. Она провела здесь пять дней. Эти пять дней я прожила с нею. Этого короткого времени достаточно было, чтобы понять весь ужас ее существования. Он с ней иначе не говорит, как бранясь так, как бы бранился самый злой мужик. Вот уверяют, что хорошее воспитание не нужно для супружеского счастья: стал ли бы благовоспитанный человек браниться, как ямщик?»

Такой жестокой ценой платила Сашенька за свои увлечения энтузиастами, за свое воображение, за пылкость своих чувств...

В 1835 году в сентябре Пушкин приехал в Михайловское. Первым делом было навестить Тригорское. «В Тригорском, — писал Пушкин жене, — стало просторнее — Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна замужем, но Прасковья Александровна все та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно». Поэту очень хотелось видеть Сашеньку Осипову, ныне Александру Ивановну Беклешову. Томительным призывом звучит его записка к ней: «Мой ангел, как мне жаль, что я вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что вы опять собираетесь приехать в наши края. Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му¹. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к вам, а наискось от меня сидите вы сама в образе Марии Ивановны². Вы не поверите, как она напоминает прежнее время,

И путешествие в Опочку,

и прочая. Простите мне мою дружескую болтовню. Целую ваши ручки».

Но Беклешова не приехала. По этому поводу Евпраксия Николаевна писала своему брату А. Н. Вульфу: «поэт по приезде сюда был очень весел, хохотал и прыгал попрежнему, но теперь, кажется, впал опять в хандру. Он ждал Сашеньку с нетерпением, надеясь, кажется, что пылкость ее чувств и отсутствие ее мужа разогреет его состаревшие физические и моральные силы».

¹ Хоть к 23-му... Конечно, 23 сентября — дню рождения П. А. Осиповой.

² Марья Ивановна — сестра Александры Ивановны. «Как наружно, так и воображением и пылкостью чувств Маша становится похожа на Сашеньку», — писала о ней Евпраксия Николаевна в 1836 году. Пушкин на молоденькую Машеньку (ей было лет 14—15) произвел неизгладимое впечатление в этот осенний приезд в Михайловское в 1835 году. Для Марии Ивановны эта осень навсегда осталась «L'automne memorable». Правда, после отъезда, ее благорасположение было отдано другому, некоему Н. И. Шенигу, и сестра ее Евпраксия была рада этой перемене: «Шениг, по ее словам, никогда не воспользуется этим благорасположением, что о Пушкине никак нельзя сказать».

Какое начало жизни! Тригорское, Пушкин, энтузиасту...

Алина, сжальтесь надо мною!
...Этот взгляд
Все может выразить так чудно!

И какой конец! Псковский полицеймейстер, у которого нет с ней других слов, кроме бранных... И старость. Незадолго до смерти состояла учительницей музыки псковских Мариинских училищ 1-го разряда. Умерла лет шестидесяти.

Но в эту старость доносились звуки чудного голоса из отдаленной и прекрасной юности.

И мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!

Кто это говорит? Он, Пушкин.

Сашенька была земная, совсем земная женщина; она не будила мыслей о небе, о божестве, подобно Анне Петровне, но того, кто знал ее, тянуло вновь и вновь к ней. «Мой ангел, приезжайте, ради бога... Можно будет, на досуге, и влюбиться». И вместе с тем, кого она обманывала, обманывалась и сама.

М. И. Семевский

ПРОГУЛКА В ТРИГОРСКОЕ

Очерки М. И. Семевского, впервые целиком переиздаваемые в этом издании, печатались отдельными «письмами» в 1866 году в № 139, 146, 157, 163, 168 и 175 «С.-Петербургских Ведомостей»; нами использован экземпляр вырезок этих статей, подаренный М. И. Семевским в переплетенном виде А. Н. Вульфу с надписью «Алексею Николаевичу Вульфу, от искренно уважающего автора. 24-го мая 1866 г.» (этот экземпляр принадлежал покойному Б. Л. Модзалевскому).

Текст Семевского воспроизводится нами целиком; примечания его (см. под текстом) приводятся не все, так как часть из них устарела и потеряла свое значение в настоящее время. Все же неточности и недоговоренности, имеющиеся в очерках Семевского, исправлены и дополнены в особых примечаниях в конце книги.

Тексты писем и документов, находящихся в очерках, по возможности проверены нами по подлинным автографам, причем текст их, часто сохранный Семевским по французски, дан нами в русских переводах; так, письма Пушкина до 1830 года включительно даны нами в переводах Б. Л. Модзалевского (из издания Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. Том I. 1815—1825. Гиз. Л. 1926 г.; т. II. 1826—1830. Гиз. Л. 1928 г.), переводы же писем поэта к П. А. Осиповой и А. Н. Вульфу позднейших лет даны нами в переводах Е. Б. Зубовой (из публикации М. И. Семевского в первой книжке «Русского Архива» 1867 года, где письма Пушкина, приведенные в «Прогулке» в цитатах, были напечатаны целиком).
